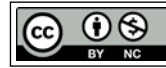

Научная статья
УДК 342

EDN: LPUVSY

Статья опубликована на условиях лицензии
Creative Commons Attribution 4.0
International License

ПОИСК КОНСТИТУЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПОСТСОВЕТСКИХ СТРАНАХ

Мамед Гусейн оглы МУСТАФАЕВ,

*преподаватель кафедры конституционного и международного права
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина
Саратов, Россия
yakamoz1001@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0001-8594-3838>*

Аннотация. Спустя более тридцати лет после распада Советского Союза постсоветские государства продолжают поиск собственной конституционной идентичности, стремясь сформировать устойчивые основы национальной государственности. Эти процессы нередко корреспондируют конституционные преобразования, влияющие на развитие государства и общества, что обуславливает анализ конституционного и национального законодательства в рамках исследования проблематики поиска и формирования конституционной идентичности.

Целью работы является комплексный анализ конституционных реформ в постсоветских государствах сквозь призму формирования конституционной идентичности, а также выявление общих тенденций и национальных особенностей данного процесса.

Методология исследования базируется на сравнительно-правовом, историко-правовом и системно-структурном методах, которые позволили всесторонне изучить проблематику и комплексно подойти к целям исследования. По его результатам выявляются этапы и особенности конституционных преобразований на постсоветском пространстве, направленные прежде всего на усиление национального компонента, укрепление власти и расширение правовых инструментариев, основанных на концепции национальной безопасности и конституционной идентичности.

В заключении отмечается, что формирование конституционной идентичности требует не формальных конституционных изменений, а создания устойчивых конституционных институтов, обеспечивающих реальную защиту прав граждан, независимость судебной власти, конституционный контроль, систему разделения властей. На основе сформулированных выводов отмечается необходимость усиления конституционного контроля, внесение ясности и правовой определенности в концепцию национальной безопасности, а также создание общих конституционных ценностей и идентичностей в рамках региональных интеграционных объединений.

Ключевые слова: конституционная идентичность, постсоветские государства, конституционная реформа, конституционализм, национальная безопасность.

© Мустафаев М.Г., 2026

Заявление о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Мустафаев М.Г. Поиск конституционной идентичности в постсоветских странах // Вестник Поволжского института управления. 2026. Т. 26, № 2. С. 66–78. EDN: LPUVSY

Original article

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

SEARCH FOR CONSTITUTIONAL IDENTITY IN POST-SOVIET COUNTRIES

Mamed G. MUSTAFAEV,

*lecturer of the Constitutional and International Law Department
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Povolzhsky Institute of Management named after P.A. Stolypin, Saratov, Russia,
yakamoz1001@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0001-8594-3838>*

Abstract. More than thirty years after the dissolution of the Soviet Union, post-Soviet states continue to search for their own constitutional identity, seeking to form stable foundations of national statehood. These processes often correspond to constitutional reforms that influence the development of the state and society, which necessitates the analysis of constitutional and national legislation within the framework of research into the problem of searching for and forming constitutional identity.

The aim of the work is a comprehensive analysis of constitutional reforms in post-Soviet states through the lens of constitutional identity formation, as well as the identification of common trends and national specificities of this process.

The research methodology is based on comparative legal, historical-legal, and systemic-structural methods, which allowed for a comprehensive examination of the subject matter and a holistic approach to the research objectives. The results highlight the stages and characteristics of constitutional reforms in the post-Soviet space, aimed primarily at strengthening the national component, consolidating power, and expanding legal instruments based on the concepts of national security and constitutional identity.

The conclusion notes that the formation of constitutional identity requires not formal constitutional changes, but the creation of stable constitutional institutions that ensure genuine protection of citizens' rights, judicial independence, constitutional review, and a system of separation of powers. Based on these findings, the author notes the need to strengthen constitutional review, bring clarity and legal certainty to the concept of national security, and create common constitutional values and identities within regional integration associations.

Keywords: constitutional identity, post-Soviet states, constitutional reform, constitutionalism, national security.

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Mustafaev, M.G. Search for Constitutional Identity in Post-Soviet Countries // The Bulletin of the Volga Region Institute of Administration. 2026. Vol. 26, № 2. P. 66–78. EDN: LPUVSY

Введение. Распад Советского Союза поставил перед новообразованными государствами задачи формирования собственной государственности, создания национальных правовых систем и принятия конституций, способных определить долгосрочный вектор развития. Между тем принятие конституций в 1990-е годы нередко осуществлялось в условиях социально-экономического кризиса, политической нестабильности и при заметном влиянии западных конституционных моделей, при этом не всегда учитывались социокультурные особенности постсоветских обществ.

В последние годы в постсоветских государствах произошли масштабные конституционные реформы (2020 г. — Россия, 2021 г. — Киргизия, 2022 г. — Беларусь и Казахстан, 2023 г. — Узбекистан и Туркменистан), актуализировавшие научную дискуссию о сущности конституционных преобразований и их соответствии задачам формирования подлинной конституционной идентичности. Постсоветские государства также переживают период трансформации, что обуславливает запрос на осмысление поисками ими конституционной идентичности.

Методы и материалы исследования. Методологическую основу исследования составляют сравнительно-правовой, историко-правовой и формально-юридический методы. Сравнительно-правовой метод позволяет определить степень сходства и различий процессов формирования конституционной идентичности постсоветских государств. Историко-правовой метод обеспечивает анализ становления и развития конституционных институтов, а также способствует выявлению отдельных особенностей стран региона, сложившихся в период их независимости. С помощью формально-юридического метода проводится анализ конституционных текстов, национального законодательства постсоветских стран, решений органов конституционного контроля. Применяется также метод периодизации, позволяющий структурировать процесс конституционального развития по хронологическим этапам. В ходе анализа процесса конституционного развития постсоветских стран за основу был взят подход методологического плюрализма, обеспечивший разнообразие при выборе методов научного исследования.

Результаты исследования. Вакуум конституционной идентичности обусловлен, с одной стороны, советским конституционным наследием, сформировавшим устойчивый разрыв между конституционным текстом и политической реальностью после обретения государствами независимости. С другой стороны, заимствование западных конституционных моделей в 1990-е годы столкнулось с необходимостью их

адаптации к местным условиям, что в ряде случаев привело к формированию так называемого «неопатримониализма», то есть сочетания формальных конституционных институтов с неформальными практиками властвования в период дестабилизации региона [1, с. 5].

Понятие конституционной идентичности приобрело особую популярность в мировой конституционно-правовой науке в последние два десятилетия. Данная концепция используется в двух основных значениях. Во-первых, ее можно охарактеризовать как аналитическое понятие, описывающее то, как политическое сообщество определяет себя через конституционный акт или порядок. Во-вторых, конституционная идентичность служит нормативной доктриной, фокусирующейся на ядре конституционных норм и принципов, которые не подлежат изменению даже в рамках конституционных преобразований [2, с. 7].

В конституционно-правовой традиции Европейского союза (ЕС) доктрина конституционной идентичности получила юридическое закрепление в ст. 4 (2) Договора о ЕС, обязывающей уважать национальную идентичность государств-членов, присущую их основополагающим конституционным и политическим структурам [3]. Данная норма стала основой для формирования обширной судебной практики, в рамках которой национальные конституционные суды используют аргумент конституционной идентичности для определения пределов интеграции.

К. Каллисс и Г. ван дер Шифф, рассматривая конституционную идентичность в контексте европейской межгосударственной интеграции, определяют ее в качестве совокупности фундаментальных конституционных ценностей и принципов, раскрывающих специфику конкретного конституционного правопорядка и отличающих его от других правовых систем [4, с. 3–8].

В российской конституционно-правовой доктрине понятие конституционной идентичности получило развитие преимущественно благодаря работам Председателя Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькина, который характеризует этот феномен как отражение результата общественного согласия по вопросам понимания прав человека, имеющего социокультурную специфику. По его мнению, конституционная идентичность определяется пределами уступчивости национального правопорядка во взаимодействии с наднациональными юрисдикционными органами [5].

В.Д. Зорькин развивает данный тезис, отмечая потребность в конституционализации ценностей, имеющих глубокие исторические корни и воплощающих конституционную идентичность государства [6; 7].

В свою очередь, Ф. Фаббрини и А. Шайо предостерегают от злоупотребления концепцией конституционной идентичности, указывая на ее опасность как инструмента ограничения прав и противодействия интеграционным процессам [8].

Принимая во внимание позиции ученых, конституционную идентичность, на наш взгляд, следует воспринимать через призму формирования текста конституции на основе исторических, социально-экономических и правовых предпосылок. Вместе с тем наиболее корректно рассматривать данное понятие исключительно в конституционном качестве, то есть формальном понимании основного закона в соответствии с его основным содержанием. Признание за конституционной идентичностью тождества с другими идентичностями, например национальной или культурной, расширяет контур данного понятия и делает его неосязаемым, наполненным неюридическими признаками, что создает предпосылки для политизации вопросов, связанных с защитой конституционной идентичности в разных проявлениях. В случаях, когда речь идет о политическом контексте, такого рода свойства должны быть направлены прежде всего на защиту фундаментальных (неизменяемых) конституционных положений, которым присущ ярко выраженный ценностный характер.

Следовательно, конституционная идентичность является сущностным признаком любой конституции, а конституционные ценности и принципы составляют ее уникальность. С изменением ценностей и принципов, формирующих основополагающие положения конституции, она, естественно, утрачивает свое сущностное содержание [9, с. 26].

Следует отметить, что конституции постсоветских государств изначально выстраивались по общей модели либерально-демократического конституционализма, характеризующейся закреплением таких институтов, как защита прав и свобод человека, разделение властей, правовое государство, независимая судебная система, частная собственность, рыночная экономика. Вместе с тем усилились противоречия, связанные с конституционно-правовым регулированием в области организации деятельности системы органов публичной власти, безопасности, избирательной системы и других сфер государственного устройства.

А.В. Нечкин, рассматривая содержательные особенности конституций постсоциалистических государств, определяет их как «симбиоз опыта общего социалистического прошлого и современных идей, выработанных в них за десятилетия суверенного существования (не без определенной доли заимствования зарубежного опыта)» [10, с. 89–90]. С.Н. Бабурин в этом контексте делает акцент на «попытках западных

демократий внедрить в российский конституционализм расширительное толкование таких высших ценностей, как права и свободы человека» [11, с. 134].

Безусловно, процессы построения национальных государств на постсоветском пространстве изначально сопровождались интенсивной европеизацией правовых систем на фоне ухода от наследия советской системы, что сказалось на трансформации государственного управления и послужило предпосылкой для перманентных конституционных реформ, повлиявших на процесс формирования конституционных идентичностей стран.

Конституционные преобразования существенно видоизменили первоначальные модели, отразившись не только на основах конституционного строя и конституционных институтах, но и на внедрении новых ценностных ориентиров развития государства и общества. Большинство таких изменений происходило на фоне политических кризисов и поиска более устойчивых правовых моделей.

Т.Я. Хабриева, анализируя конституционные реформы в современном мире, указывает на то, что конституционные реформы XXI в. демонстрируют уникальный всплеск самобытности, когда государства вводят оригинальные правовые конструкции, усиливающие национальные особенности основных законов [12, с. 9–10].

Прослеживается также постепенный отказ некоторых постсоветских стран от принципа приоритетности международного права, обусловленный отклонением от курса европейского развития. Подобные тенденции наблюдаются, например, в Азербайджане, Киргизии, Таджикистане, и в более завуалированном виде — в Казахстане и Узбекистане. В России и Беларуси приоритет суверенитета и конституционной идентичности обеспечивается главным образом решениями органов конституционного контроля [13, с. 122].

Н.А. Филипова среди ключевых направлений конституционных реформ в постсоветских странах отмечает сохранение традиций национальной государственности, что, ранее не являлось императивной частью конституционной аксиологии, но в результате конституционных реформ закрепилось на конституционном уровне. Ученый обращает особое внимание на изменения, произошедшие под воздействием механизмов защиты традиционной культуры, языка, а также национальной и этнической идентичности [14, с. 99].

Например, в России конституционная реформа 2020 г. закрепила ряд положений, формирующих особый контур конституционной идентичности: приоритет Конституции РФ над решениями межгосу-

дарственных органов (ст. 79); защита исторической правды (ст. 67.1); определение брака как союза мужчины и женщины (ст. 72); формирование курса на сакрализацию и преемственность российской государственности (ст. 67.1); поддержка соотечественников за рубежом и закрепление русского языка в качестве государственного как языка государствообразующего народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации (ст. 68).

Существенное значение придается таким категориям, как историческая справедливость и традиционные ценности, которым обеспечена особая защита со стороны государства.

А. Бланкенагель, исследуя соотношение конституций и конституционной идентичности, обращает внимание на то, что изменения российской Конституции 2020 г. содержат обилие регулирования элементов коллективной идентичности российского общества, стремящихся к ренессансу традиционных ценностей [15, с. 44].

Беларусь в результате конституционной реформы 2022 г. усилила роль Всебелорусского народного собрания, закрепила положения о сохранении исторической памяти и недопустимости реабилитации нацизма, а также ввела требование о патриотическом воспитании. Конституция Беларуси после реформы олицетворяет самобытность Основного Закона, что способствует усилению национального компонента.

Казахстан в 2022 г. провел конституционную реформу, направленную на переход от суперпрезидентской к президентской форме правления с элементами усиления роли парламента. Был учрежден Конституционный суд (вместо ранее действовавшего Конституционного совета), введен запрет на приобретение родственниками президента ряда государственных должностей. Данная реформа позиционировалась как движение к модели «слышащего государства». Однако вопрос о практической реализации данных положений остается открытым.

Киргизия после конституционной реформы 2021 г. перешла от парламентской к президентской форме правления, значительно расширив полномочия главы государства. Был введен институт Народного Курултая в качестве совещательного органа, что интерпретируется как обращение к традиционным формам народного представительства. Конституционная реформа фактически ликвидировала парламентскую систему, введенную после революции 2010 г., и вернула страну к суперпрезидентской модели, притом что именно «суперпрезидентство» ранее становилось причиной политических кризисов и насильственных смен власти.

Узбекистан в 2023 г. провел масштабную конституционную реформу, увеличившую срок президентских полномочий до семи лет, расширившую каталог социальных прав и закрепившую положения о светском, социальном, правовом государстве.

Туркменистан в 2023 г. внес изменения в Конституцию страны, закрепив роль Халк Маслахаты (Народного совета) как высшего представительного органа, что фактически институционализировало параллельную структуру власти, опирающуюся на традиционные для страны элементы государственного управления.

В странах Южного Кавказа конституционная динамика также отражает различные подходы к формированию идентичности. Армения в 2015 г. перешла к парламентской форме правления, однако после «бархатной революции» 2018 г. и поражения в войне 2020 г. конституционный баланс остается предметом дискуссий. Грузия формально закрепила в Конституции страны стремление к интеграции с ЕС и НАТО, однако политическая практика последних лет демонстрирует противоречивую динамику, что свидетельствует о неоднозначности выбранного ранее вектора развития. Азербайджан после реформы 2016 г. ввел институт первого вице-президента и расширил президентские полномочия, продолжая курс на централизацию власти и усиление полномочий президента.

Страны Балтии (Латвия, Литва, Эстония) представляют отдельный кластер, изначально и однозначно ориентированный на западную интеграцию. Их конституционная идентичность сформировалась вокруг членства в ЕС и НАТО, реституции довоенной государственности и жесткого дистанцирования от советского наследия.

Обсуждение результатов. Анализ конституционных текстов постсоветских государств позволяет выделить следующие модели конституционной идентичности: суверенно-консервативная (Азербайджан, Беларусь, Россия), модернистская (Казахстан, Узбекистан, Киргизия), традиционалистская (Таджикистан, Туркменистан), переходная (Армения, Грузия, Молдова) и евроинтеграционная (страны Балтии).

Тридцатилетний период конституционного развития постсоветских государств может быть условно разделен на три этапа. Первый этап (1991—2005 гг.) — период принятия конституций и формирования основ правовых систем, направленных на создание гражданского общества, рыночной экономики и устойчивых государственных институтов. Второй этап (2005—2015 гг.) — период конституционных адаптаций, направленных преимущественно на усиление политических режимов и поиск оптимальных моделей организации системы публичной власти.

Третий этап (2015 год — настоящее время) — период новых конституционных реформ, характеризующихся обращением к идентитарному дискурсу и конституционному закреплению системы публичной власти, сформировавшейся за предыдущие годы.

На первом этапе постсоветские государства следовали общему шаблону национального строительства, когда в приоритет возводился язык титульной национальности и формировались новые исторические нарративы. Конституции этого периода отличались высоким уровнем заимствования западных моделей, что далеко не всегда соответствовало социально-экономическим и политико-правовым реалиям.

На втором этапе обозначилась тенденция к усилению президентской власти. Характерными примерами являются продление президентских сроков в Азербайджане, Казахстане, Таджикистане и Беларуси, введение института пожизненного президентства в Туркменистане. Конституционные суды в этот период в большинстве постсоветских стран выполняли преимущественно легитимирующую функцию.

Третий этап характеризуется волной конституционных реформ, объединенных рядом общих признаков, таких как конституционное закрепление национальных ценностей, расширение социальных прав, усиление системы публичной власти, обращение к концепции национальной безопасности.

Во всех постсоветских государствах особое значение приобрела в качестве правового инструментария Концепция национальной безопасности. Примечательно, что само понятие национальной безопасности в законодательстве большинства постсоветских государств сформулировано чрезмерно широко, что позволяет подводить под него практически любые действия, которые государственная власть считает нежелательными.

Неправомерное использование понятия конституционной идентичности также может приводить к его искажению. Р.Д. Келемен и А. Пех доказывают, что аргументы о конституционной идентичности и конституционном плюрализме, которые приводятся учеными и судами, нередко используются в некоторых странах для обоснования отступлений от фундаментальных ценностей [16, с. 59]. Дж. Шольтес приводит случаи систематического злоупотребления концепцией конституционной идентичности в ЕС [17].

В европейских академических кругах все чаще отмечается определенный скепсис по поводу определения «конституционная идентичность» в силу того, что аргументы о конституционной идентичности использовались в этих государствах-членах для защиты тех особеннос-

тей конституционной структуры, которые конституционализируют институциональные предпосылки авторитарного правления или вводят политику, открыто противоречащую некоторым наиболее важным европейским ценностям [18, с. 369].

На практике доктрина конституционной идентичности нередко используется национальными органами конституционного контроля с целью установления пределов активизма международных институтов, в том числе наднациональных. Широкое применение этой доктрины можно проследить в ходе развития европейской интеграции, что обусловлено контролем за наднациональными органами Европейского союза [19, с. 47].

Конституционный Суд РФ признал конституционную идентичность в рамках выражения ее внешнеправовой функции. Исходя из положений ст. 79 Конституции РФ, в постановлении от 14 июля 2015 г. № 21-П он разъяснил, что базовые элементы конституционной идентичности образуют внутригосударственные нормы о фундаментальных правах, а также гарантирующие эти права нормы об основах конституционного строя. Особое внимание наднациональных органов к этим элементам позволит снизить вероятность конфликта между наднациональным правом и национальным правом государств-участников, что, в свою очередь, при сохранении их конституционного суверенитета будет определять эффективность наднационального правопорядка в сфере защиты прав и свобод человека и гражданина и дальнейшую гармонизацию правового пространства в этой области.

Судья Конституционного Суда РФ в отставке Г.А. Гаджиев, рассматривая проблему соотношения конституционной идентичности и универсальных стандартов прав человека, подчеркивает необходимость соразмерности при определении границ допустимого отступления от международных стандартов¹.

В целях недопущения злоупотреблений в этой сфере необходимо соблюдение ряда условий. Ограничения прав граждан должны быть предусмотрены законом, преследовать легитимную цель и быть пропорциональными и прозрачными. Расширение полномочий органов публичной власти в сфере безопасности должно сопровождаться усилением судебного контроля и парламентского надзора. Неопределенность понятий, связанных с национальной безопасностью, следует компенсировать наличием четких процедурных гарантий, закрепленных в законе и исключающих произвольное применение ограничительных мер.

¹ Гаджиев Г.А. Конституционная идентичность и права человека в России: доклад. М.: КС РФ, 2016. URL: <http://www.ksrf.ru>

Заключение. Поиск конституционной идентичности в постсоветских государствах остается незавершенным процессом, характеризующимся значительным разрывом между конституционным текстом и политической реальностью. Конституционные реформы последних лет в большинстве случаев направлены не столько на создание устойчивых институциональных основ, сколько на легитимацию существующих политических режимов посредством обращения к ценностному дискурсу.

Вместе с тем формирование подлинной конституционной идентичности является объективной потребностью постсоветских обществ, в связи с чем можно сформулировать некоторые теоретические предложения, направленные на создание конституционных институтов, способствующих устойчивому развитию государства и общества.

Прежде всего представляется необходимым усилить внимание на развитие института конституционного контроля как ключевого субъекта формирования конституционной идентичности. Конституционные суды постсоветских государств должны получить реальную независимость и стать площадками для содержательной интерпретации конституционных ценностей, а не инструментами легитимации политических решений.

Особое значение приобретает концепция национальной безопасности, которую следует заключить в четкие правовые рамки, исключая ее использование как основание для ограничения конституционных прав граждан. В связи с этим эффективной мерой представляется законодательное закрепление принципов пропорциональности и обязательного судебного контроля при введении ограничительных мер, обусловленных вопросами национальной безопасности.

Постсоветские государства могут извлечь пользу из сравнительного анализа опыта формирования конституционной идентичности в других регионах, прежде всего в ЕС, где доктрина конституционной идентичности развивалась через конструктивный диалог между национальными и международными (наднациональными) судебными органами. Так, А. фон Богданди обосновывает концепцию, согласно которой ст. 2 Договора о ЕС может служить «идентичностью» или «конституционным ядром» европейского общества, и предлагает модель формирования наднациональной конституционной идентичности на основе общих ценностей [20]. В первую очередь это касается государств — участников Евразийского экономического союза, последующее развитие интеграционных процессов которого диктует необходимость создания подобного рода конституционно-правовых механизмов для диалога двух уровней.

Подлинная конституционная идентичность постсоветских государств может быть сформирована только при условии перехода от формального конституционализма к реальному, когда конституционные нормы станут не декларациями, а действующими институтами, обеспечивающими защиту прав граждан, систему разделения властей, ограничение государственной власти, конституционный контроль и независимость судебной системы.

Список источников

1. *Hert P. de, Korenica F.* The Post-Soviet Transition: Constitutional Structuring and Political Reality (CIS Countries Case-Study) // *Boletín Mexicano de Derecho Comparado*. 2020. № 156. С. 3–37. DOI: 10.22201/ij.24484881e.2020.42.14335
2. *Масловская Т.С.* Конституционная модернизация в государствах СНГ: современные тенденции // *Вестник Гомельского государственного университета*. 2024. № 5. С. 2–10.
3. European Parliament, IPOL Study. The Notion of Constitutional Identity and Its Role in European Integration. PE 760.344. 2024.
4. *Calliess C., Schyff G. van der* (eds.). *Constitutional Identity in a Europe of Multilevel Constitutionalism*. Cambridge: Cambridge University Press, 2020. 372 p.
5. *Зорькин В.Д.* Буква и дух Конституции // *Российская газета*. 2018. 9 окт.
6. *Зорькин В.Д.* Под знаком обновленной Конституции: Конституционная основа социальной интеграции России // *Журнал конституционного правосудия*. 2024. № 1 (24). С. 1–12. DOI: 10.18572/2072-4144-2023-4-1-8. EDN: QXFBXS
7. *Зорькин В.Д.* Под знаком Конституции // *Российская газета*. 2023. 12 дек.
8. *Fabbrini F., Sajo A.* The Dangers of Constitutional Identity // *European Law Journal*. 2019. Vol. 25, № 4. С. 457–473. DOI:10.1111/eulj.12332
9. *Шустров Д.Г.* Конституционная идентичность и изменение Конституции // *Вестник Московского университета*. Сер. 11: Право. 2020. № 4. С. 21–49. EDN: GRTHLS
10. *Нечкин А.В.* Конституции стран СНГ и других постсоциалистических государств: сравнительно-правовой обзор // *Российское право: образование, практика, наука*. 2018. № 5 (107). С. 81–91. EDN: VSDBHE
11. *Бабурин С.Н.* Значение ценностной динамики российского конституционализма XX в. // *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*. 2021. № 5 (81). С. 130–136. DOI: 10.17803/2311-5998.2021.81.5.130-136. EDN: IQWZAG
12. *Хабриева Т.Я.* Сравнительное правоведение и многополярный мир // *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*. 2025. Т. 21, № 1. С. 5–10. DOI: 10.61205/jzsp.2025.1.1. EDN: BFEDUC
13. *Медушевский А.Н.* Популизм и конституционная трансформация: Восточная Европа, постсоветское пространство и Россия // *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз* (Журнал политической философии и социологии политики). 2018. № 3 (90). С. 113–139. EDN: YNRAPR
14. *Филиппова Н.А.* Национальная идентичность в евразийском контексте: особенности российской конституционной реформы 2020 года // *Вестник Сургутского государственного университета*. 2020. № 2 (28). С. 95–107. DOI: 10.34822/2312-3419-2020-2-95-107. EDN: UJPVZA

15. *Blankenagel A.* Constitutions, Collective Identity and Constitutional Identity: Where Should We Be Heading? // *Comparative Constitutional Review*. 2022. № 1 (146). С. 43–75. DOI: 10.21128/1812-7126-2022-1-43-75. EDN: QZHOQO
16. *Kelemen R.D., Pech L.* The Uses and Abuses of Constitutional Pluralism: Undermining the Rule of Law in the Name of Constitutional Identity in Hungary and Poland // *Cambridge Yearbook of European Legal Studies*. 2019. Vol. 21. С. 59–74. DOI:10.1017/cel.2019.11
17. *Scholtes J.* The Abuse of Constitutional Identity in the European Union. Oxford: Oxford University Press, 2023. 218 p. DOI: 10.1093/oso/9780198883173.001.0001
18. *Tripkovic B.* Constitutional Identity vs Fundamental Rights: a False Tension? // *European Law Open*. DOI: 10.1017/elo.2025.10028
19. *Бланкенагель А.* Призрак бродит по решениям европейских конституционных судов: что делать с конституционной идентичностью? // *Сравнительное конституционное обозрение*. 2018. № 5. С. 42–64. DOI: 10.21128/1812-7126-2018-5-42-64. EDN: YLUZDF
20. *Bogdandy A. von.* The Emergence of European Society through Public Law. Oxford: Oxford University Press, 2024. 337 p. DOI: 10.1093/oso/9780198909347.001.0001

Сведения об авторе

МУСТАФАЕВ

Мамед Гусейн оглы,
преподаватель кафедры
конституционного
и международного права
Российская академия
народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Поволжский институт управления
имени П.А. Столыпина
Саратов, Россия
yakamoz1001@mail.ru,
<https://orcid.org/0009-0001-8594-3838>

Статья поступила в редакцию
05.02.2026

Одобрена после рецензирования
10.03.2026

Принята к публикации
25.03.2026

The author

Mamed G. MUSTAFAEV,
lecturer of the Constitutional
and International Law Department
Russian Presidential Academy
of National Economy
and Public Administration,
Povolzhsky Institute
of Management named
after P.A. Stolypin
Saratov, Russia
yakamoz1001@mail.ru,
<https://orcid.org/0009-0001-8594-3838>

The article was submitted
05.02.2026

Approved after reviewing
10.03.2026

Accepted for, publication
25.03.2026